

9. Милитаризация республиканской милиции

Одной из самых обсуждаемых проблем в республиканской Испании и особенно среди анархистов была проблема «милитаризации» милиционных вооружённых сил. Этот вопрос имел огромное значение, не только военное, но и политическое.

Милитаризация подразумевала преобразование спешно набранных, произвольным образом организованных и эгалитарных подразделений милиции, которые вначале должны были сражаться на стороне Республики, в более или менее регулярную армию. Этот процесс требовал реорганизации милиционных центурий и колонн в роты, полки, бригады, дивизии и более крупные регулярные войсковые соединения, а также введения единообразных воинских званий, формы и знаков отличия. Это также означало установление воинской дисциплины и военно-правовых норм в вооружённых силах. Наконец, в случае испанской республиканской армии, это означало распространение института «политических комиссаров», который довольно рано был введён Министерством обороны.

Первый шаг к организации новой регулярной армии был сделан правительством Хиралья 28 июля, когда оно призвало на военную службу призывников 1933 и 1934 гг. Это решение встретило сильную оппозицию со стороны не только анархистов, но и социалистов, и только у коммунистов оно нашло поддержку. В Каталонии НКТ проинструктировала своих милиционеров, получивших повестку о призыве, чтобы они оставались в своих подразделениях милиции¹.

Согласно Стэнли Пейну: «Одной из двух главных задач правительства Ларго Кабальеро было формирование регулярной Народной армии для защиты революции. Создание Народной армии, таким образом, может быть датировано сентябрём 1936 г., и его инициаторами были личные военные советники Ларго, полк. Хосе Асенсио и ген. Мартинес Кабрера». Он также отмечает, что Ларго Кабальеро почти сразу же после вступления в должность «назначил официального главнокомандующего, наряду с сектором армейского Генерального штаба, для каждого главного театра боевых действий»².

Милитаризация милиции в особенно драматическом свете представала перед анархистами. Проблемы, связанные с ней, были идеологическими, политическими и военными.

Разумеется, идеология анархистов отличалась фундаментальной оппозицией по отношению к вооружённым силам и в особенности к милитаризму, а именно к иерархии, строгой дисциплине и общей регламентации в жизни военнослужащих. Как я упоминал ранее, единственным мероприятием в области военной организации, даже после победы революции, на которое были готовы пойти анархисты перед Гражданской войной, было

создание местных формирований, которые совместными силами должны были отражать попытки вторгнуться в страну и подавить революцию.

С началом Гражданской войны анархо-синдикалистам пришлось организовать собственные вооружённые силы. Однако при этом они старались в максимально возможной степени придерживаться плана, одобренного НКТ в мае 1936 г. на конгрессе в Сарагосе. Для них замена регулярной армией милиционной структуры означала фундаментальный разрыв с их базовыми убеждениями.

Однако оставались ещё вопросы практической политики, которые усиливали скептицизм НКТ-ФАИ в этом вопросе. Когда усилия по формированию регулярной лоялистской армии начали набирать обороты, влияние коммунистической партии и её правосоциалистических союзников в республиканском военном аппарате стало стремительно расти. В результате у некоторых хорошо осведомлённых и умудрённых опытом анархических лидеров возникли серьёзные возражения по поводу милитаризации, которую они рассматривали как средство распространения влияния коммунистов и их союзников, не только в армии, но и во всей Республике.

С другой стороны, многие командиры милиции НКТ, как и большинство других анархических лидеров, приходили к выводу, что силы Франко не могут быть побеждены милиционной армией, организованной как в первые месяцы Гражданской войны. Они всё чаще приходили к идее, что для победы над регулярной армией, находившейся в распоряжении Франко, усиленной итальянскими и германскими войсками, необходимо иметь другую такую же армию, в большей или меньшей степени организованную на принципах современной военной науки.

Поэтому, столкнувшись с реалиями Гражданской войны, анархисты были вынуждены согласиться с созданием регулярной армии для защиты Республики. Это решение – или, может быть, промедление в принятии этого решения – не только привело к снижению их влияния в лоялистских вооружённых силах, но и ослабило общие политические позиции НКТ-ФАИ в Испанской республике.

Колонны милиции и их организация

Как только военный мятеж 17–20 июля 1936 г. был подавлен на большей части Испании, одной из первоочередных задач новых властей, возникших в разных частях Республики, стала организация вооружённых сил для противостояния регулярной армии в тех районах, где её переворот закончился успехом, и для защиты от вторжения областей, оставшихся верными Республике. В первые же дни Гражданской войны сложилось несколько фронтов: в Арагоне, защита которого в основном легла на плечи бойцов, прибывших из Каталонии; Теруэльский фронт в южном Арагоне и ближайших районах, где эту задачу выполняли войска из Леванта; Малагский фронт, который по преимуществу поддерживали милиционеры, набранные на месте. Также возникли Андалусско-Эстремадурский фронт в юго-западной части страны, где республиканцы потерпели свои первые серьёзные поражения, и, через несколько месяцев, Мадридский фронт, который защищали силы,

отступившие с юга, и войска, пришедшие им на помощь из Каталонии и других регионов. Наконец, появились три фронта на севере, в баскских провинциях, Сантандере и Астурии, где были созданы местные, независимые друг от друга формирования.

В самом начале войны отправлять войска на поля сражений должны были различные политические партии и профсоюзные организации, члены которых взяли оружие для защиты Республики. Хосе Гонсалес Мало, ведущий лидер НКТ в Сантандерском регионе, описывал, как эти спешно набранные силы формировались в группы по 100 человек, знаменитые центурии. Каждое такое подразделение выбирало офицеров, включая одного капитана, двух лейтенантов и некоторое число сержантов – хотя все эти лица назывались делегатами, а не одним из общепринятых воинских званий. Собравшись и вооружившись тем, что было под рукой, эти подразделения сразу устремлялись к ближайшему фронту³.

Эта схема повторялась по всей лоялистской Испании. К примеру, на Арагонский фронт вскоре прибыли три колонны (по размеру и значению сопоставимые с бригадами) под командованием анархистов (Дуррути, Красно-чёрная и Ортиса); колонна «Ленин», организованная Рабочей партией марксистского единства (ПОУМ); колонна, возглавляемая элементами Объединённой социалистической партии Каталонии, каталонской секции Коминтерна; и колонна, организованная и возглавляемая левыми каталонскими националистами. Также там находилось подразделение под командованием полковника Хосе Вильяльбы, состоявшее из солдат регулярной армии⁴.

Возможно, типичной с точки зрения организации была самая известная из этих милиционных частей – колонна Дуррути. Через пять недель после её создания высшим руководящим органом в ней являлся Военный комитет из пяти человек.

Абель Пас отмечает, что под началом Военного комитета «самое крупное подразделение, группировка, состояло из пяти центурий по сто человек, разделённых на четыре группы по двадцать пять человек. Каждое из этих подразделений имело во главе себя делегата, который избирался рядовыми и мог быть отозван в любой момент. Эта выборная должность не давала привилегий или места в командной иерархии».

При Военном комитете также действовал Военно-технический совет. Он состоял из кадровых офицеров, «и задачей этого совета было консультировать Военный комитет. У него [также] не было никаких привилегий или места в иерархии».

В дополнение к этому существовала «автономная» Интернациональная группа из 400 человек, включая французов, немцев, итальянцев, марокканцев, британцев и американцев. Следует подчеркнуть различие между этой группой и интернациональными бригадами, организованными впоследствии. Несмотря на автономию, Интернациональная группа была составляющей частью колонны Дуррути.

Наконец, у колонны Дуррути имелись свои партизанские отряды, которые, согласно Абелью Пасу, должны были действовать в тылу врага⁵.

Под общим руководством Военного комитета работали специализированные отделы артиллерии, снабжения, медицинской службы, транспорта и вооружения. Отдельно от них существовали органы, занимавшиеся пропагандой (включая газету и радиостанцию колонны), образованием и общей культурной работой.

Достоинства и недостатки милиции

Милиция как боевая сила, несомненно, имела как сильные, так и слабые стороны. Бесспорно, важнейшее преимущество милиции заключалось в том, что она состояла из добровольцев, сражавшихся за дело, в которое – особенно на начальных этапах войны – они глубоко верили.

Генерал Висенте Рохо, бывший начальник штаба обороны Мадрида, возможно, наиболее красноречиво передал эту силу милиции, проявившуюся на первом этапе боёв за столицу: «Милиционер вновь торжествовал победу... Он меньше был политиком и больше – солдатом; он знал, почему и за что он сражается, и был исполнен большей гордости и сознания своего достоинства как испанца, видя перед собой противника, был ли тот мавром, легионером или испанцем; он сознавал, что ему недостаёт техники, что он хуже обучен, но по этой самой причине понимал, что для того, чтобы победить, он должен быть более храбрым, и он проявлял исключительную храбрость. Их командиры были для них лучшим примером. По этой причине они могли продолжать борьбу, не ослабляя энергии своего сопротивления...»⁷

Джордж Оруэлл, который находился в подразделении ПОУМ на Арагонском фронте, также отдал должное милиционерам, сражавшимся в первые месяцы войны:

“ «В данных обстоятельствах ополчение не могло быть намного лучше. Современная механизированная армия не рождается на пустом месте, и если бы правительство решило ждать, пока не будет создана регулярная армия, Франко шёл бы вперёд, не встречая сопротивления. Позднее стало модным ругать ополчение, и приписывать все его недостатки не отсутствию оружия и необученности, а системе равенства. В действительности же, всякий новый набор ополченцев представлял собой недисциплинированную толпу не потому, что офицеры называли солдат “товарищами”, а потому, что всякая группа новобранцев – это всегда недисциплинированная толпа. Демократическая “революционная” дисциплина на практике гораздо прочнее, чем можно ожидать... В ополчении никогда бы не смирились с издевательствами и скверным обращением, характерным для обычной армии. Обычные военные наказания существовали, но их применяли только в случае серьёзных нарушений. Если боец отказывался выполнить приказ, то его наказывали не сразу, взывая прежде к его чувству товарищества. Циники, не имевшие опыта обращения с бойцами, поторопятся заверить, что из этого “ничего не получится”, на самом же деле “получалось”. Шли дни, и дисциплина даже наиболее буйных отрядов ополчения заметно крепла... Журналисты, которые посмеивались над ополченцами, редко вспоминали о

том, что именно они держали фронт, пока в тылу готовилась Народная армия. И только благодаря “революционной” дисциплине отряды ополчения оставались на фронте; примерно до июня 1937 года их удерживало в окопах только классовое сознание. Одиночных дезертиров можно расстрелять – такие случаи были, – но если бы тысячи ополченцев решили одновременно покинуть фронт, никакая сила не смогла бы их удержать. В подобных условиях регулярная армия, не имея в тылу частей заграждения, безусловно, разбежалась бы...»⁸

Оруэлл далее пишет:

“ «Как обычно, расформирование ополчения производилось во имя повышения боеспособности; никто не спорит, что коренная военная реорганизация была необходима». Однако, полагает он, «вполне можно было реорганизовать ополчение и повысить его боеспособность, оставив отряды под прямым контролем профсоюзов. Главная цель этой меры была иной – лишить анархистов собственных вооружённых сил. К тому же, демократический дух, свойственный рабочему ополчению, породил революционные идеи»⁹.

Крупными недостатками армии милиционного типа, существовавшей в первые месяцы войны, были отсутствие формальной воинской дисциплины и невозможность установить эффективное общее руководство над вооружёнными силами Республики. Оба этих вопроса вызывали жаркие дебаты в рядах анархистов.

Бернетт Боллотен приводит множество «страшных историй» о беспорядке в милиции, рассказанных очевидцами с обеих сторон фронта. Среди указанных ими недостатков были: невозможность проводить слаженные тактические наступления, поскольку вышестоящие, по идее, офицеры не могли отдавать приказы без согласия всех командиров колонны; неспособность частей и подразделений выдвигаться в назначенное время и место; соперничество между колоннами разных партий и профсоюзов, иногда доходившее до того, что одна колонна радовалась поражению другой; отказы отдельных колонн, у которых были своя территория и снаряжение, необходимое для определённой операции, делиться этим с другими колоннами. И вдобавок, конечно же, наблюдалась банальная нехватка военного опыта и технических знаний, как у командиров, так и солдат¹⁰.

Согласно Абелью Пасу: «Дисциплина была основана на принципах добровольческих сил: свободном согласии и классовой солидарности. Товарищ отдавал приказы товарищу. Быть делегатом не означало пользоваться какими-либо привилегиями. Превыше всего было равенство прав и обязанностей. Моральное воздействие, основанное на социальной ответственности, заменило собой карающие предписания военных уставов»¹¹.

На практике, однако, этот исключительный эгалитаризм, особенно в милиции НКТ, нередко приводил к тому, что военно-тактические решения выносились на голосование тех бойцов, которых они затрагивали. Хоакин Морналес Хаулин, офицер регулярной армии, который был главным советником Рикардо Санса в бывшей колонне Дуррути большую часть войны, приводит пример подобной гипертрофированной «демократии», свидетелем которого он

стал во время второго этапа битвы за Мадрид, в январе 1937 г. (см. главу 7)¹².

Сиприано Мера также прокомментировал недостаток самодисциплины, которая всегда поощрялась у анархистов: «Я наблюдал мучительные сцены. Были моменты, когда майор Паласьос и я, вместе с нашими помощниками, останавливали группы, обратившиеся в бегство, и говорили им, что они проявляют трусость, что нужно перестать бежать и защищать Мадрид. Большинство из них на какую-то минуту прислушивались к нам, но когда мы отлучались и вражеская авиация или артиллерия открывала огонь, они снова сбегали. Я не переставал спрашивать себя: почему эти люди, когда они видят тебя рядом, проявляют энтузиазм, а потом, в минуту опасности, оставляют тебя? Можем ли мы так победить? Очевидно, что нет»¹³.

Впоследствии сама ФАИ в своём официальном обращении заявила о непригодности милиции для ведения войны против современной армии. Документ в защиту действий испанских анархистов, представленный конгрессу МАТ в декабре 1937 г. и подписанный Федерикой Монсень, Педро Эррерой и Диего Абадом де Сантильяном, горячо отстаивал этот аргумент: «Мы дорого заплатили за верность нашим идеям, которых мы так долго придерживались. Разве смогли бы мятежные силы пройти от Севильи до Бадахоса и от Бадахоса до дверей Мадрида, если бы мы не сопротивлялись, так долго, так упорно, организации той армии, в которой мы нуждались, чтобы сражаться с врагом? Наша милиция, не занимавшаяся учебной стрельбой, не прошедшая военной подготовки, не знавшая порядка, проводившая пленумы и собрания, перед тем как идти в бой, обсуждавшая все приказы и часто отказывавшаяся их выполнять, не могла противостоять той грозной военной машине, которую Германия и Италия предоставили мятежникам...»¹⁴

Столь же серьёзной проблемой в первые месяцы конфликта было отсутствие центрального руководства в военных делах Республики. Пока правительство не покинуло Мадрид в начале ноября 1936 г., Мадридский фронт и области к югу от него были, возможно, единственным театром войны, находившимся под более или менее непосредственным контролем правительства. В остальных же случаях местные или региональные власти, появившиеся в самом начале войны, брали на себя руководство ближайшим к ним фронтом. Так поступали Главный совет милиции и впоследствии Департамент обороны правительства Каталонии, взявшие под своё начало Арагонский фронт; Народный исполнительный комитет Леванта, ведавший Теруэльским фронтом; баскское республиканское правительство в Бискайе, отражавшее наступление генерала Мола из Наварры, и полностью независимые региональные власти в Сантандере и Астурии далее к западу, которые, как это ни удивительно, мало контактировали друг с другом и с баскским республиканским правительством. Подобная тенденция преобладала и в других частях республиканской Испании.

Проблема ещё больше осложнялась тем, что почти на всех фронтах политические партии и профсоюзные организации, набравшие подразделения милиции, в значительной степени сохраняли контроль над ними. НКТ и другие вовлечённые организации создавали свои военные комитеты, которые занимались обеспечением их войск на фронте, в некоторых случаях выплачивали им скромное довольствие и консультировались с командирами колонн.

После того, как Франсиско Ларго Кабальеро 4 сентября 1936 г. стал премьер-министром и военным министром, он попытался организовать централизованное военное командование. С этой целью он приступил к созданию Народной армии (Ejército Popular), которая имела бы единое руководство, планирующее стратегию и тактику лоялистских сил. В этом и заключалась суть проблемы «милитаризации».

Милитаризация милиции в Астурии

Первым регионом республиканской Испании, где анархисты открыто признали необходимость милитаризации, была Астурия. Хавьер Р. Муньос пишет: «Первое соглашение о милитаризации и объединённом командовании милиции, о котором у нас имеются письменные свидетельства, судя по всему, было подписано в Корнельяне 4 сентября»¹⁵.

Менее чем через неделю на встрече в Градо республиканские политические и военные лидеры региона обсудили проблемы милитаризации. Согласно Хуану Антонио де Биасу, «позиции социалистов и коммунистов насчёт необходимости милитаризации совпадали, возражения исходили от представителей ФАИ. Позицию анархистов упрямо защищал Эладино Фанхуль, но он не нашёл поддержки. Командиры НКТ, Ихинио Карросера, Виктор Альварес, Селесто “Эль Топу” и Онофре Гарсия, сражавшиеся против мятежных военных с самого первого дня, согласились в позиции Амбоу [лидера коммунистов в Астурии]...»¹⁶

Представляется, что милитаризация пользовалась единодушной поддержкой среди руководства астурийских анархистов. Это было заметно по анархической прессе Хихона, передовые статьи для которой в этот период обычно писал Аэрадо Бартоломе, самый выдающийся журналист-анархист в регионе.

Передовица в хихонской «Прессе» (La Prensa) от 6 сентября 1936 г., озаглавленная «Единство действий и дисциплина», говорила: «Час, минута, потерянная в бесплодных спорах о доктрине, может подвергнуть нас величайшей опасности. Настал час действовать. С твёрдой рукой и ровным пульсом. Мы объединяем командование и действия и дисциплинируем себя. Это станет основой триумфа, победы, сбережения пороха и крови. Мы должны действовать... Войну должны вести солдаты... В форме или без неё. Со знаками отличия на воротничке или фуражке; но в любом случае военные. От новобранца или милиционера требуются те же самые вещи: дисциплина, подчинение тому, кто командует...»

В том же выпуске была опубликована Инструкция для глав колонн, изданная контролируемым анархистами Военным советом Хихона, которая также подчёркивала обязанность милиционеров «подчиняться единому командованию, точно выполняя приказы командира группы, командир группы выполняет приказ по колонне и приказы от главного командования...» Среди подписавших этот документ был Онофре Г. Тирадор, один из выдающихся командиров милиции НКТ-ФАИ¹⁷.

Авелино Г. Мальяда, астурийский анархист и региональный военный комиссар, вскоре ставший мэром Хихона, выступал в начале 1936 г.: «Вечное проклятие – война, заставившая

нас отбросить, хоть и на миг, наши самые чистые принципы идеалистов! Но именно для защиты этих дорогих идей нам приходится вести войну, навязанную нам фашистами, и мы должны принять дисциплину, как и всякое другое оружие»¹⁸.

Начиная со второй недели сентября 1936 г. реорганизация анархических милиционных групп в более или менее регулярные армейские части, похоже, проходила в Астурии без сопротивления.

Другие первые сторонники милитаризации среди анархистов

Видные военачальники-анархисты также входили в число наиболее убеждённых сторонников милитаризации. Официальная сталинистская история Гражданской войны говорит, что Дуррути осознал – первым среди анархических лидеров – необходимость в дисциплинированной армии, но он не мог провести в своей колонне необходимые изменения, чтобы сделать из неё эффективное соединение. Это произошло позднее, когда колонна прибыла на Мадридский фронт¹⁹. Однако в анархических источниках нет никаких указаний на то, что Дуррути в самом деле выступал за что, что впоследствии стало известным как милитаризация милиции.

Одним из наиболее активных её сторонников среди анархистов был Сиприано Мера. Много лет спустя он писал:

“ «Всё произошедшее убедило меня в том, что невозможно противостоять вражеской армии, если у нас нет своей армии, которая организована таким же образом и в которой поддерживается железная дисциплина. Это больше не было похоже на уличные бои, когда энтузиазм восполнял недостаток подготовки; это не было похоже и на обычные перестрелки, когда каждый мог делать то, что считал нужным. Это была война, настоящая война, и поэтому важно было создать соответствующую организацию, с боевыми частями, с командирами, способными планировать операции или противостоять врагу с наименьшими возможными потерями бойцов и материалов. И в первую очередь, всем нам необходимо было соблюдать дисциплину. Не существовало иного способа выиграть войну, которую нам навязали»²⁰.

Мера добавлял, что, хотя он всегда отстаивал принцип самодисциплины, для него «грустно было признавать, после того как ты защищал идеал всю свою жизнь, что если мы действительно предполагали выиграть войну, то нам нужно было примириться с созданием армии и вытекающей из него дисциплиной... Для меня была ужасна необходимость одеваться по-военному, но я не видел другого выхода и говорил себе: моё поведение в будущем станет доказательством моей чести, как это было на других постах и при других обстоятельствах в прошлом»²¹.

Генерал Висенте Рохо описал мучительное «обращение» Меры к идее милитаризации милиции. Он пишет, что однажды, в два часа утра, после особенно ожесточённой схватки за мост Сан-Фернандо в предместьях Мадрида, Сиприано Мера (которого Рохо обозначает просто как М.) явился в его кабинет. Он выглядел очень уставшим и, после некоторой заминки, сказал: «Мне нужно было немедленно встретиться с вами. Там ничего не происходит и ничего не произойдёт... Я пришёл, чтобы меня сделали чем-то, чтобы мне дали какое-то звание. Сделайте меня сержантом... Я больше не “ответственный” М.; я хочу быть сержантом М. или чем-то в этом роде».

Хотя Рохо пытался подбодрить Мера, говоря: «То, что случилось сегодня, было успехом для тебя и триумфом для твоей части», Мера продолжал настаивать, чтобы ему было присвоено какое-либо формальное воинское звание. Рохо продолжает: «Психологическое решение этого инцидента нельзя было откладывать. Я повёл его к генералу, который только что отправился на отдых. И “ответственный” М. тем же утром вышел из Главного штаба со званием майора. Политики часто превращали звания в подарки, но это подарком не было!»²²

Сиприано Мера отчётливо дал товарищам понять своё отношение к милитаризации. Он писал в «Земле и свободе», органе Федерации анархистов Иберии: «Я убеждаюсь, с каждым днём всё больше, что для того, чтобы вести и выиграть войну, необходимо делать этого организованно, и я считаю, что наиболее эффективной организацией на данный момент является военная; по этой причине я принимаю её, со всеми последствиями. Можете в этом не сомневаться»²³.

Аналогичным образом, был согласен с милитаризацией и Рикардо Санс, преемник Буэнавентуры Дуррути в качестве командующего колонной. Впоследствии он писал: «В этой атмосфере жертвенности и самоотречения, следуя великолепному высказыванию народного кумира, Дуррути: “Мы отказываемся от всего, кроме победы”, – бесчисленное множество людей, которые всегда были антимилитаристами, которые больше четверти века пропагандировали во всех уголках мира свои антимилитаристские взгляды, направленные против войны и всякого разрушительного действия, не испытывали ни малейшего неудобства, становясь милитаризованными, дисциплинированными, занимая командные должности, связанные с огромной ответственностью, и самозабвенно, с энтузиазмом выполняя задачу, которая была поручена каждому из них»²⁴.

Со своей стороны, Комитет обороны Центра НКТ также признавал потребность в более регулярной военной организации милиции. Эдуардо де Гусман пишет, что Эдуардо Валь, обращаясь к командирам всех подразделений НКТ в районе Мадрида, говорил, ещё на первом этапе битвы за Мадрид: «Мы не можем продолжать то, что мы делали до сих пор. Единое командование – для нас не просто лозунг. С сегодняшнего дня вся милиция НКТ Центра будет объединена, и её действия будут координировать и направлять Главный штаб». Такое единое командование к тому времени уже было образовано²⁵.

Деятельность Гарсии Оливера

Хуан Гарсия Оливер был ещё одним лидером анархистов, который рано начал говорить о необходимости регулярной армии. Выступая в Барселоне в январе 1937 г., он убеждал: «Народ, если у него есть оружие, никогда не может проиграть революцию; но народ, не проигравший революцию, может проиграть войну, если у него нет соответствующего инструмента для войны, то есть военной техники, и армии на службе революции»²⁶.

Однако ещё задолго до этого выступления Гарсия Оливер вёл работу по преобразованию милиции в более традиционные вооружённые силы. Он был секретарём военного отдела Совета милиции Каталонии, который 24 октября 1936 г. «подверг милитаризации милицию» Каталонии, что «вызвало сильную реакцию среди бойцов и молодёжи, в значительном большинстве своём враждебных возрождению института, приносившего стране лишь зло и притеснение...»²⁷ Он также активно работал над созданием офицерского корпуса новой республиканской армии, как на каталонском, так и на общеиспанском уровне.

Через несколько недель после начала Гражданской войны Гарсия Оливер, в качестве заведующего военными делами в Центральном комитете милиции, был поставлен в известность подполковником Эскобаром, отвечавшим в его отделе за военные кадры, что вскоре, ввиду боевых потерь, у них не останется кадровых офицеров, на лояльность которых они могут рассчитывать. Гарсия Оливер предложил создать Народную военную школу (Escuela Popular de Guerra), которая давала бы 90-дневный курс подготовки кандидатам в офицеры, отобранным из рядов милиции. Эскобар и майор Висенте Гуарнер согласились с этим предложением, хотя они и высказывали некоторые сомнения в том, что можно подготовить новых лейтенантов в столь короткий срок.

Гуарнер поручил организацию школы майору Ларе де Росалю. Для её размещения было выделено здание бывшей иезуитской школы, конфискованное местной группой НКТ. Гарсия Оливер также дал Ларе де Росалю задание набрать преподавателей из числа кадровых офицеров, обращая внимание на тех, чья верность делу Республики вызывала у него некоторые сомнения. Гарсия Оливер объяснял майору: «Лояльных офицеров мы хотим иметь на фронте, сомнительных я предпочитаю держать в тылу, где за ними можно будет присматривать, и тогда нам не придётся их расстреливать»²⁸.

Несмотря на такой неординарный подход к подбору инструкторов для Народной военной школы, Гарсия Оливер свидетельствовал: «Я должен сказать, к удовлетворению их и их подопечных, что отношение преподавателей было настолько серьёзно, а их энергия настолько велика, что школа вскоре оказалась достойна восхищения»²⁹.

Курсанты были отобраны из людей, рекомендованных различными партиями и профсоюзами, представленными в Совете милиции. Их, насколько это было возможно, распределяли по родам войск в соответствии с их образованием; к примеру, имевшие математическое образование назначались в артиллерию, имевшие архитектурное или техническое образование – в инженерные войска.

В беседе с курсантами Гарсия Оливер обрисовал в общих чертах цели и характер Народной военной школы: «Принцип дисциплины, который соблюдается по отношению к вам, – это тот же самый принцип, который вы должны будете соблюдать, когда вас произведут в

лейтенанты и направят в соответствующие воинские части. Там вы должны будете привить дух дисциплины, усвоенный здесь, относясь к своим подчинённым с уважением и терпимостью, когда они не находятся на боевом посту, но с суровостью – когда они выполняют приказы, находясь перед лицом врага. Вы не должны проявлять эгоизм, рассматривая ту небольшую разницу в звании, которая существует между вами и вашими подчинёнными; напротив, вы должны быть полностью лишены чувства собственного превосходства и не забывать о том, что на поле боя жизни подразделений, доверенных вам, будут зависеть от вашей компетентности и чувства ответственности»³⁰.

Когда Гарсия Оливер вошёл в республиканский кабинет Франсиско Ларго Кабальеро в ноябре 1936 г., премьер и военный министр попросил его организовать в общенациональном масштабе школы подготовки офицеров вроде той, которую он ранее создал в Каталонии. Гарсия Оливер передавал мысли Ларго Кабальеро и министров от НКТ на сей счёт:

“ «Планировалось создать внутри армии организацию, сравнимую по своему влиянию с той, что имели коммунисты в лице комиссаров, – через создание народных военных школ, которые находились бы под контролем анархо-синдикалистов и социалистов и со временем могли бы устранить комиссариат как чрезвычайный институт, вызывающий неприязнь у кадровых и милиционных офицеров и почти непереносимый для рядовых солдат и милиционеров, из-за инквизиторских методов, применяемых комиссарами-коммунистами»³¹.

Гарсия Оливер вызвал к себе майора Лару де Росаля, создавшего школу в Барселоне, и назначил его генеральным инспектором народных военных школ Испанской республики. Вдвоём они приступили к организации четырёх школ: первой – для пехоты, кавалерии и интендантской службы, второй – для артиллерии, третьей – для инженерных войск и последней – для связистов³². Вскоре были найдены помещения для этих четырёх заведений, а Военным министерством было выделено оружие, необходимое для обучения, наряду с 2 000 винтовок «Ремингтон», присланных каталонским Департаментом обороны. Инструкторами были назначены кадровые офицеры, а курсанты для прохождения трёхмесячной программы выбирались из списков, представленных всеми партиями и рабочими организациями, поддерживавшими Республику, а также Федеральным союзом испанских учащих³³.

Эти четыре школы регулярно выпускали новых офицеров каждые три месяца, пока Гарсия Оливер был их куратором. Работу этих учреждений лишь изредка нарушали незначительные инциденты. Два курсанта были отчислены за недисциплинированность: один – сэнэтист, другой – сын лояльного офицера регулярной армии³⁴. Более серьёзным случаем стала попытка генерала Миахи воспрепятствовать возвращению в артиллерийскую школу курсантов, отправленных на Мадридский фронт для практических занятий. Однако Гарсия Оливер в итоге смог переубедить генерала Миаху, и курсантам было позволено окончить свой курс в Валенсии³⁵.

В эти первые месяцы работы народных военных школ Гарсия Оливер внимательно следил за их развитием. Школы также иногда посещались именитыми фигурами, включая генералов Орлова и Петрова, руководивших работой НКВД в Испании³⁶, и премьер-министра и военного министра Франсиско Ларго Кабальеро. О последнем посещении Гарсия Оливер пишет: «Это был чрезвычайно насыщенный визит. Точнее, инспекция, самая строгая. Обошли, осмотрели и проверили буквально всё: учебные аудитории, общежития, столовые, кухню, туалеты и душевые». Премьер был весьма впечатлён и, уходя, сказал Гарсии Оливеру: «Вы и все ваши сотрудники должны принять мои самые искренние поздравления. Также примите благодарность от военного министра, который надеялся на многое, но не на столь многое за такой короткий срок. Думаю, я понял, в чём ключ вашего успеха: вы верите в творческие способности рабочих. Как и я»³⁷.

Не только Гарсия Оливер, но и другие свидетели подтверждают эффективность организованных им народных военных школ. Мартин Бласкес, полковник старой армии, комментировал: «Кордон и я обратились к нему, но нам ничего не пришлось делать, кроме как выполнять инструкции. Казармы, инструкторы, оборудование – всё, что мы просили, предоставлялось нам немедленно. Оливер был неутомим. Он всё решал и за всем наблюдал лично. Он сам занимался мельчайшими деталями и стремился к тому, чтобы его решения выполнялись безукоризненно. Он обращал внимание на продолжительность занятий и питание курсантов. Но прежде всего, он настаивал, чтобы обучение будущих офицеров проходило в строжайшей дисциплине»³⁸.

Ларго Кабальеро также поручил Гарсии Оливеру заняться организацией первых «смешанных бригад», которые впоследствии стали основными соединениями новой республиканской армии. Согласно Гарсии Оливеру, Ларго Кабальеро попросил его «подтолкнуть развёртывание смешанных бригад... не задевая чувств Мартинеса Баррио, отправленного в Альбасете с подобным же заданием, которое он выполнял в достаточно декоративной манере»³⁹.

Однако позднее Гарсия Оливер добавляет:

“ «Я не так много занимался подготовкой смешанных и интернациональных бригад. Первых – потому что они уже были вверены Мартинесу Баррио, вторых – потому что испанцам не позволялось вмешиваться в их дела. Они составляли государство в государстве. Я посвятил всё своё свободное время организации народных военных школ, откуда должны были выйти силы, которые в благоприятный момент избавили бы нас от двух рычагов Коммунистической партии: комиссаров и интернациональных бригад»⁴⁰.

Оппозиция анархистов милитаризации милиции

Несмотря на мощную поддержку, которую оказали преобразованию милиции в регулярные вооружённые силы ключевые фигуры анархического движения, значительная оппозиция этой инициативе сохранялась в рядах анархистов. Такое отношение было широко распространено в НКТ-ФАИ и с особой силой проявлялось в некоторых её колоннах милиции.

НКТ изначально отстаивала традиционный антимилитаризм анархистов. Она издала манифест, гласивший: «Мы не можем защищать существование регулярной армии, с униформой и воинской повинностью. Эта армия должна быть заменена народной милицией, вооружённым народом, который один может дать гарантию того, что свободу будут защищать с энтузиазмом и что в тени не будут плестись новые заговоры». ФАИ придерживалась такой же точки зрения в августе 1936 г.⁴¹.

В начале сентября национальный пленум региональных организаций НКТ принял резолюцию, один из пунктов которой предусматривал: «Создание военной милиции, служба в которой является обязательной, и контроль над милицией со стороны советов рабочих и милиционеров, избранных смешанными комиссиями НКТ и ВСТ. Упрощение командования путём ограничения его [вопросами] военной техники. Создание единого руководства вооружёнными силами посредством Военного комиссариата, назначаемого Национальным советом обороны и включающего представителей трёх секторов, борющихся против фашизма». Пейратс поясняет, что этими тремя секторами были республиканцы, марксисты и анархисты⁴².

Сам Гарсия Оливер признавал, что анархические организации и подразделения милиции умалчивали о приёме курсантов в народные военные школы, организованные им во время пребывания в правительстве Ларго Кабальеро. «Это заставило меня вынести вопрос на рассмотрение Национального комитета НКТ, и в результате было принято и стало проводиться на практике решение, обязывавшее все региональные комитеты обороны уделять особое внимание набору курсантов в школы подготовки офицеров»⁴³.

Диего Абад де Сантильян, конечно, был одним из анархических лидеров, которые наиболее упорно сопротивлялись милитаризации милиции. Хотя он не приводит никаких подробностей относительно своей оппозиции, он, определённо, выразил отношение тех членов НКТ-ФАИ, которые были против создания регулярной республиканской армии:

“ «При виде прусской дисциплины, дисциплины, убивающей дух, мы отдаём предпочтение систематической недисциплинированности, духу постоянного восстания и хаосу внешних проявлений. При виде армий, созданных предписаниями центрального правительства, которое, в свою очередь, являлось не более чем орудием в руках завоевателей Финляндии^{43а}, армий, в которых солдат перестал быть человеком со свободными чувствами и мыслями, мы отдаём предпочтение воинам, которые с радостью идут умереть или победить, вдохновлённые несокрушимой верой и сознанием того, что они защищают великое и благородное дело»⁴⁴.

«Кажется непостижимым, что через несколько месяцев после июльских событий... мы забыли, кому мы обязаны этим триумфом, и погубили их под предлогом того, что делаем их работу в защиту свободы более эффективной. Милитаризация милиции представляла собой двойную ошибку:

1. военную, потому что никакая импровизированная армия, без командиров, какая бы строгая дисциплина в ней ни поддерживалась, не могла по своим боевым качествам сравниться с полными энтузиазма добровольцами первого часа и всех последующих часов;
2. политическую, потому что она лишала войну народной инициативы, огня, превращая её в монополию и исключительную привилегию государства, мало-помалу охлаждая энтузиазм и затуманивая цели кровавой борьбы»⁴⁵.

Итальянский анархист Камилло Бернери, который тогда жил в Барселоне и работал в поддержку НКТ и ФАИ, также критически относился к милитаризации. Он писал в своей италяязычной еженедельной газете 15 ноября 1936 г.: «Милитаризация милиции – не единственное техническое решение. Будет политической ошибкой принять её без возражений, не уяснив для себя её цели, не уточнив некоторые туманные пункты и не обсудив общие принципы»⁴⁶.

Сопrotивление милитаризации со стороны Железной колонны

Наиболее сильное сопротивление милитаризации оказывала Железная колонна, ортодоксальное анархическое формирование из Валенсии на Теруэльском фронте, которое отказывалось принимать её до конца марта 1937 г.

С самого основания Железная колонна была исключительно непримиримой по отношению ко всякой традиционной воинской рутине и формальностям. Как сообщалось, доходило до того, что в колонне тянули жребий, чтобы определить, кто должен идти в караул, не позволяя принуждать кого-либо к этой обязанности⁴⁷.

С очевидной целью избежать давления милитаризации, Железная колонна в начале декабря 1936 г. «реорганизовалась». Планировалось установить для всех центурий единообразную структуру и образовать в составе колонны «дивизионы», каждый из которых состоял бы из десяти центурий. Реорганизация также укрепляла позиции делегатов, или офицеров, в колонне. Абель Пас отмечает: «Одновременно с этой перестройкой всем товарищам было сделано внушение, что они не могут оставлять свой боевой или революционный пост, на который они были назначены, без разрешения делегата центурии или товарища, возглавляющего отдел. Каждый товарищ, оспаривающий это решение, одобренное делегатами центурий и Военным комитетом, будет исключён из колонны, и его имя, как нежелательного элемента, будет опубликовано в антифашистской прессе»⁴⁸.

Однако правительство усиливало давление на Железную колонну, побуждая её принять милитаризацию. В конце декабря 1936 г. оно приняло две решительные меры. Как военный министр, Ларго Кабальеро объявил, что Теруэльский фронт отныне будет находиться в прямом ведении Военного министерства, а общее командование будет возложено на Хосе Бенедито, командира другого, более умеренного соединения НКТ на этом фронте. Одновременно, путём создания нового расчётного департамента, была централизована выдача денежного довольствия всем военнослужащим республиканских вооружённых сил⁴⁹.

К концу 1936 г. Военный комитет Железной колонны признал, что борьба против милитаризации фактически проиграна. В своём обширном обращении к бойцам колонны комитет объявил: «Мы знаем неудобства милитаризации. Она не соответствует нашему темпераменту, поскольку она не подходит тем из нас, кто имеет хорошее представление о свободе. Но мы также знаем неудобства, которые приносят попытки оставаться вне сферы Военного министерства. Печально признавать, но есть только два возможных пути: роспуск колонны или милитаризация. Всё остальное будет бесполезным...»⁵⁰

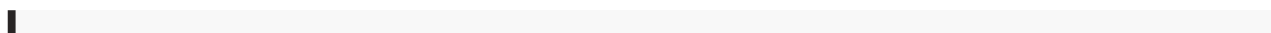
Однако прошло ещё почти три месяца, прежде чем милитаризация была официально принята Железной колонной. Национальное руководство НКТ оказывало давление на колонну, заставляя её приспособиться к общим требованиям. В связи с этим газета Железной колонны «Мы» опубликовала интервью с Мариано Васкесом, национальным секретарём НКТ, в котором тот объяснял, что милитаризация не будет означать ни превращения солдат в роботов, ни разрушения однородных анархических боевых частей⁵¹.

Наконец, 21 марта 1937 г. состоялось общее собрание Железной колонны в театре «Либертад» в Валенсии, на котором было принято судьбоносное решение о принятии милитаризации. В протоколе осталась следующая запись: «На собрание был вынесен вопрос, следует ли согласиться с милитаризацией, и это предложение было одобрено единогласно»⁵².

Условия принятия милитаризации анархистами

Спустя какое-то время после того, как члены НКТ вошли в кабинет Франсиско Ларго Кабальеро 4 ноября 1936 г., высшее анархо-синдикалистское руководство официально признало необходимость милитаризации милиционных подразделений НКТ⁵³. Однако, по договорённости с Ларго Кабальеро, это признание было обставлено рядом условий. Важнейшим из них было то, что существовавшие на тот момент анархические части оставались под контролем анархистов и что НКТ было позволено организовать в дополнение к ним новые.

В своём интервью для газеты «Мы» Мариано Васкес подробно остановился на этом пункте. Когда его спросили, будет ли милитаризация означать исчезновение «наших колонн», он ответил:

«Да, они исчезнут. Необходимо, чтобы они исчезли. Когда мы пришли в Национальный комитет, уже было достигнуто соглашение, что наши колонны, как и все остальные, будут преобразованы в бригады – название к сути дела не относится – и их будут обеспечивать всем необходимым, чтобы сделать их работу эффективной. Однако это преобразование, если хорошо присмотреться, не подразумевает коренных изменений, потому что после его завершения в бригадах останутся те же командиры, что и в колоннах; можно сказать, что товарищи, привязанные к тем, кто сейчас отвечает за операции, могут быть уверены в том, что их не будут заставлять, по какой-то прихоти, принять тех командиров, чья идеология и вытекающее из неё личное отношение придутся им не по душе. Более того, политические комиссары, которые – не побоюсь сказать – являются настоящими начальниками бригад, будут назначаться конфедеральной организацией, перед которой они всегда будут ответственны»⁵⁴.

Бернетт Боллотен пишет, что Ларго Кабальеро не возражал против сохранения чисто анархических бригад в составе новой Народной армии:

“ «Хотя Ларго Кабальеро, по политическим и техническим причинам, одобрил милитаризацию милиции на основе смешанных бригад, желание облегчить отношения с НКТ, происходившее из его растущей антипатии к коммунистам, мешало ему неукоснительно проводить эту меру в жизнь. В результате анархо-синдикалистские части, подчиняясь генеральному штабу в вопросах военных операций, оставались под безраздельным контролем НКТ и пополнялись солдатами и офицерами, принадлежащими к этой организации...»⁵⁵

“ «То, что Ларго Кабальеро санкционировал это, а не просто закрывал глаза на уклонения от строгой милитаризации, согласованной с русскими, доказывается тем фактом, что генерал Мартинес Кабрера, начальник генерального штаба Военного министерства, пользовавшийся полным доверием премьера, в феврале 1937 г. уполномочил военный комитет анархистской колонны Марото организовать бригаду, полностью состоящую из бойцов этой колонны. Вряд ли можно сомневаться в том, что это было сделано без ведома или согласия Мерецкова, военного советника Мартинеса Кабреры, будущего маршала Советского Союза и начальника штаба Красной армии»⁵⁶.

Разумеется, настойчивость, с которой НКТ добивалась сохранения в новой Народной армии частей, находящихся под общепризнанным контролем анархистов, объяснялась тем, что для неё это было вопросом самосохранения. Франц Боркенау, в феврале 1937 г. писал, что анархисты «рано или поздно будут уничтожены, если только они не сохранят свою собственную армию»⁵⁷.

Хотя большинство анархических милиционных формирований, преобразованных в части Народной армии, в течение всей войны оставались преимущественно под командованием анархистов, так было не во всех случаях. Например, Франсиско Ромеро, последние восемь месяцев войны служивший в звании майора в 73-й дивизии Манёвренной армии (главного источника резервов), отмечал, что, хотя его часть вступила в войну под командованием анархистов, к концу конфликта её офицеры были представителями практически всех политических групп Республики⁵⁸.

Конечно, милитаризация колонн милиции повлекла за собой не только изменение их названий. Она также предусматривала замену рабочих комбинезонов, ставших отличительным признаком милиционера, на военную форму; использование воинских званий, от рядового до подполковника (и иногда даже генерала); а также (хотя это соблюдалось не всегда) традиционное приветствие в виде отдания чести.

Эти внешние изменения поражали иностранных наблюдателей. Так, Франц Боркенау, впервые побывавший в Испании в августе 1936 г. и вернувшийся туда в конце января 1937 г., отмечал: «Войска полностью отличались от той милиции, которую я увидел в августе. Были чёткие различия между офицерами и солдатами, первые носили лучшую форму и имели нашивки... Форма рядовых ещё была не совсем унифицирована, но пёстрый робингудовский стиль милиционеров исчез бесследно, и наблюдалось несомненное стремление к единообразию в одежде...»⁵⁹

Насколько далеко зашли в этом принятии порядков регулярной армии военачальники НКТ, по крайней мере некоторые, можно судить на примере Сиприано Меры. В выпуске «Рабочей солидарности» от 23 марта 1937 г. приводились его слова: «Лично мне нужны только бойцы. Я не знаю, кто в моей дивизии из ВСТ, а кто из НКТ, кто из республиканской партии, а кто из марксистской. Необходимо, и впредь я должен буду настаивать на этом, поддерживать железную дисциплину, которая будет стоять дисциплины добровольной. Начиная с сегодняшнего дня я буду разговаривать только с капитанами и сержантами»⁶⁰.

Эдуардо де Гусман описывал процесс милитаризации, происходивший в анархической милиции: «Вначале изменения были не более чем номинальными. Старые колонны поменяли свои названия, и организация была переведена на смешанные бригады. Мало-помалу изменения становились более глубокими... В нашей милиции стала складываться командная структура в соответствии с приказами Военного министерства. Главы батальонов превратились в майоров, ответственные центурий – в капитанов; появились первые капралы и сержанты»⁶¹.

Колонна «Спартак» стала 70-й бригадой, колонна «Свободная Испания» – 77-й; вместе они составляли 14-ю дивизию, находившуюся под командованием Сиприано Меры. Одновременно анархические колонны Моры, «Либертарной молодёжи» и Оробона Фернандеса в Куэнке стали 59-й, 60-й и 61-й бригадами и были объединены в 42-ю дивизию под командованием майора Барсело, кадрового офицера, с Хосе Вильянуэвой из НКТ в качестве политкомиссара. Точно так же, колонна Дуррути стала 26-й дивизией, а каталонская колонна Аскасо – 149-й бригадой⁶². В других местах анархические колонны также стали бригадами Народной армии.

Институт политических комиссаров

В процессе создания республиканской Народной армии анархисты потерпели поражение в одном пункте, касавшемся введения должностей политкомиссаров практически на каждом уровне новой армии. Это предложение было принято, несмотря на сильную оппозицию руководителей НКТ-ФАИ.

Концепция политических комиссаров зародилась ещё во времена французских революционных армий 1790-х гг. Столкнувшись с необходимостью использовать профессиональных офицеров, лояльность которых была под сомнением, вожди французской революции постановили, что рядом с ними должны находиться гражданские лица, пользующиеся политическим доверием, которые должны наблюдать за офицерами и при необходимости отменять их приказы.

Когда Лев Троцкий в 1918 г. приступил к организации Красной армии, он столкнулся с такой же проблемой и решил её так же, как и французы за столетие с лишним до него. Доверенные политические комиссары были приставлены к кадровым офицерам, ранее служившим в царской армии, чтобы контролировать их лояльность и вмешиваться в военные вопросы, если это представлялось политически оправданным. Но и после окончания Гражданской войны в России в советских вооружённых силах сохранялись органы политического контроля. Многие советские политические лидеры сделали себе карьеру, занимая комиссарские посты в годы Второй мировой войны.

Легко понять, почему испанские коммунисты и их советские и коминтерновские консультанты энергично поддерживали назначение политических комиссаров как необходимого элемента новой Народной армии. Они отводили политкомиссарам ключевую роль, видя в них не только организаторов новой армии, но и гарантов того, что она будет находиться под коммунистическим контролем.

Карлос Контрерас (он же итальянский коммунист Витторио Видали) доказывал: «Комиссар является душой боевой части, её наставником, её агитатором, её пропагандистом. Он всегда будет, всегда должен быть лучшим, самым образованным, самым способным. Он должен заниматься всем и знать обо всём. Он должен взять на себя заботу о желудке, сердце и мозге защитника народа... Он должен видеть, что его политические, экономические, культурные и эстетические потребности удовлетворены»⁶³.

Антонио Михе, член Политбюро Компартии Испании, обрисовал общую роль комиссаров в защите партийных интересов. Он говорил, что комиссар-коммунист должен быть «партийным организатором в своём подразделении, смело и систематично отбирая лучшие элементы из числа лучших бойцов и рекомендуя их на ответственные посты... Должны быть созданы бригады агитаторов, чтобы информировать милиционеров о позиции партии по всем проблемам... Коммунисты должны взять на себя задачу пополнения партии лучшими бойцами на фронте»⁶⁴.

Сами коммунистические политические комиссары хорошо понимали свою партийную роль. Американец Джо Даллет, бывший комиссаром в интернациональных бригадах, замечал, что на своём посту он «отвечает не только за мораль, но и за политическую линию и тому подобное»⁶⁵.

Анархисты были настроены против назначения политкомиссаров. Подобных должностей не существовало в их милиции в Каталонии и Арагоне. Здесь дело обстояло иначе: политические и профсоюзные лидеры напрямую командовали колоннами милиции, а кадровые офицеры, заявившие о своей верности Республике, были прикреплены к ним в качестве военных советников. В Центре Сиприано Мера на первых порах выступал как своего рода политический комиссар при кадровом офицере, который номинально был назначен командующим милиционной колонны, организованной Мерой. Но и здесь Мера вскоре официально занял пост командующего.

Хуан Гарсия Оливер объяснял, почему анархисты выступали против политкомиссаров: «Я считал, что комиссары, действовавшие в остальных частях республиканской Испании, являются одной из множества ловушек, расставленных советскими советниками неподготовленных лидеров испанской Коммунистической партии. У них не было другой цели, кроме как охватить всю Испанию железным обручем, с помощью которого они в удобное время задушат революцию, устроят рабочую демократию и уничтожат политически любого, кто не имеет партбилета»⁶⁶.

Гарсия Оливер стремился к тому, чтобы школы подготовки офицеров, организованные им, были свободны от политических комиссаров. Хотя Генеральный комиссариат назначил четырёх человек на эти посты, он не позволил им показаться в школах. Как и ожидалось, генеральный комиссар Хулио Альварес дель Вайо стал протестовать и настаивать, чтобы он, Ларго Кабальеро и Гарсия Оливер провели встречу для разрешения этой ситуации. Премьер не согласился на это предложение, не стал он и выносить этот вопрос на рассмотрение Высшего военного совета, где, по мнению Ларго Кабальеро и Гарсии Оливера, Альварес дель Вайо потерпел бы поражение и был бы публично унижен.

В конце концов, Ларго Кабальеро предложил компромиссное решение: Гарсия Оливер выберет двух сэнэтистов, а Ларго Кабальеро – двух членов ВСТ, и те станут политкомиссарами офицерских школ. После консультации с Национальным комитетом НКТ Гарсия Оливер пошёл на этот компромисс⁶⁷.

Так как решение о назначении политических комиссаров на всех уровнях военной иерархии было принято до того, как НКТ присоединилась к правительству Ларго Кабальеро в ноябре 1936 г., у неё не было возможности его оспорить. Ей пришлось довольствоваться гарантиями того, что в войсковых частях, находящихся под её началом, комиссарами будут люди, относящиеся к анархистам или сочувствующие им.

Проблема партизанской войны

Даже после того, как они согласились с основной идеей создания регулярной Народной армии, анархисты продолжали, до самого конца войны, настаивать на том, что следует также организовывать партизанские отряды для действий в тылу врага. Они добились весьма ограниченного успеха в продвижении этой инициативы: у республиканского правительства она никогда не вызывала энтузиазма.

Один из наиболее серьёзных планов по открытию партизанского фронта в тылу сил Франко был предложен Гарсией Оливером в начале 1938 г. Он собирался организовать партизанскую войну в Андалусии и Эстремадуре, создав первую базу в горах Сьерра-Невада недалеко от Гранады. По его подсчётам, в этой области находилось по крайней мере 20 000 беженцев с занятых мятежниками территорий в Андалусии, которые могли быть привлечены к партизанским операциям, и он ожидал, что поддержку им окажут местные крестьяне и даже некоторые из тех, кто на тот момент находился в армии Франко.

Гарсия Оливер детально проработал свой план, к составлению которого он привлёк некоторых других анархических лидеров, включая Антонио Ортиса, бывшего командира милиции, и Хоакина Аскасо, ранее возглавлявшего Совет Арагона. По их первоначальному плану, следовало начать с формирования ядра из 200 человек, которые в течение месяца будут проходить интенсивные тренировки, включающие использование широкого набора оружия, от ножа до небольшой пушки, оказание первой помощи, приготовление еды в полевых условиях, подготовку к долгим переходам и дозорам.

Эти 200 партизан первого класса должны были получить снаряжение, достаточное для 600 человек, в том числе рации, по меньшей мере утроить свою численность за счёт вербовки и создать первые партизанские базы в данной области. Затем они стали бы учиться, как нападать на изолированные отряды солдат и полицейских, и, как ожидалось, положили бы начало кампании, которая могла широко распространиться по вражеским тылам в Андалусии и Эстремадуре.

Гарсия Оливер, Ортис и Аскасо посетили район, где они надеялись создать тренировочный пункт и из которого первые партизаны могли отправиться на вражескую территорию. Они получили поддержку полковника Адольфо Прады, состоявшего в Коммунистической партии, и посетили Франсиско Марото, командира местной анархической милиции, который для вида был помещён под домашний арест после падения Малаги. Марото обещал им свою помощь в поиске кандидатов для первой группы партизан и обеспечении их снаряжением, необходимым для переброски на территорию врага.

Наконец, Гарсия Оливер представил свой развёрнутый план Индалесио Прието, в то время министру обороны, без помощи которого невозможно было начать подготовку партизан и получить для них снаряжение. Прието проявил интерес к предложению и попросил время, чтобы изучить его.

Через несколько дней Прието вновь принял Гарсию Оливера и сказал ему, что он передал копии подготовленного им документа французскому военному атташе, который пришёл в восторг по поводу открывавшихся возможностей, и советскому атташе, который, по словам министра, посоветовал отклонить этот план как «лишённый оперативного значения».

Прието добавил: «Моё личное мнение совпадает с мнением французского военного атташе, но, даже как министр обороны, я не могу пойти против решения советского Генерального штаба»⁶⁸.

Ещё через несколько дней Прието был вынужден покинуть правительство, что окончательно похоронило план «Комбориос», как называл его Гарсия Оливер.

Другим анархическим лидером, всерьёз думавшим об организации, в дополнение к действиям более или менее регулярной армии, партизанской войны в тылу Франко, был Диего Абад де Сантильян. Он представил план по организации партизанских действий в Арагоне и попросил В. А. Антонова-Овсеенко, советского генконсула в Барселоне, обеспечить оружием небольшие силы герильяс. Антонов-Овсеенко, сам руководивший партизанской борьбой во время Гражданской войны в России, поначалу с воодушевлением принял эту идею. Однако через несколько дней он сообщил Абаду де Сантильяну, что его запрос был отклонён: «Он сказал нам, что нас считают хорошими товарищами, но однажды мы можем стать опасными. И из-за того, что однажды мы могли стать опасными для московских планов, нам отказали в мизерном количестве оружия»⁶⁹.

В другой раз, при поддержке Абада де Сантильяна, Конфедерация Арагона, Риохи и Наварры НКТ попыталась организовать партизанскую атаку на Сарагосу с тыла. В эту операцию было вовлечено около 1 500 человек, вооружённых, помимо прочего, восемью пулемётами и несколькими миномётами. Нападение должно было координироваться сторонниками НКТ, всё ещё остававшимися в Сарагосе. К этому плану отнеслись достаточно серьёзно, и генеральный штаб республиканских сил направил двух советских офицеров, чтобы рассмотреть целесообразность его осуществления. Однако в итоге генштаб приказал прекратить подготовку этой партизанской операции⁷⁰.

Одна из последних попыток обратиться к партизанской тактике была предпринята в самом конце войны. После падения Каталонии Сиприано Мера предложил альтернативный план продолжения войны, по крайней мере для части республиканских сил, остававшихся в Центре: их следовало разделить на группы герильяс, которые будут вести партизанские действия в тылу сил Франко, особенно в южной части страны. Его предложение было отклонено⁷¹.

Довольно интересно, что в ретроспективе Пальмиро Тольятти, главный представитель Коминтерна в Испании во время войны, также критиковал республиканское правительство за отказ вести партизанскую войну по ту сторону фронта:

“ «...Ни организации Народного фронта (включая Коммунистическую партию), ни правительство Республики не уделяли внимание работе в зоне, оккупированной Франко и армией интервентов. Забыли о том, что в этой зоне, и прежде всего в армии Франко, остались массы крестьян и рабочих, которые составляли обширный резерв Народного фронта и которые, если бы среди них была проведена работа, смогли бы сыграть решающую роль в ослаблении фашистского режима и составили бы базу партизанского движения в сельской местности. Нужно признать весьма тяжёлой потерей

то, что в течение всей войны и несмотря на усилия, предпринятые в 1938 г., Коммунистическая партия, в частности, не добилась успехов в постановке сколько-нибудь серьезной работы в зоне Франко»⁷².

Версия #1

Зверобой создал 8 мая 2025 15:17:22

Зверобой обновил 8 мая 2025 15:24:29